

УДК 93; 316.7

М.Ф. Ершов

Социокультурная эволюция городов Северного Зауралья в дореволюционный период: сравнительный анализ

Аннотация. В статье рассмотрена социокультурная эволюция городов Зауралья, расположенных на севере Пермской и Тобольской губерний. По мнению автора, закономерные этапы в развитии города воплощались в значимых образах, которые могли быть скрыты под позднейшими культурными напластованиями. На изменении образов Березова, Верхотурья, Ирбита и Туринска сказывалось периферийное положение этих городов. Качественная трансформация образов обнаруживалась в различных сферах жизнедеятельности городского социума: от культовой до профанной, от экономической и архитектурной до образовательной и общественно-политической.

Ключевые слова: Березов, Верхотурье, Ирбит, Туринск, город, миф, образ, самоидентификация, социокультурная эволюция, ссыльные, цивилизация.

M.F. Ershov

Sociocultural evolution of towns North of Trans-Ural in pre-revolutionary period: comparative analysis

Abstract. The article deals with sociocultural evolution of towns North of Trans-Ural, were located on the Northern of the Perm and Tobol provinces. Determinate stages in development of town were realized in the significant images, which could be hidden under a later cultural layer. Changing of images of Berezovo, Verkhoturys, Irbit and Turinsk had influence with peripheral location. Qualitative transformations of images are found in others spheres of living activity town society: From cultural sphere to homely, from economical and architectural to educational and social-political.

Keywords: Berezovo, Verhoturye, Irbit, Turinsk, town, myth, image, socio-cultural evolution, exiles, a civilization.

«Глубокий провинциализм – вот отличительная черта такой столицы как Москва, а может быть и такой страны как Россия», – вспоминал на рубеже XIX-XX вв. один из тех, кому довелось провести свои студенческие годы в Москве [1, 300]. Сегодня, в условиях глобализации, всё более актуальным становится вопрос о роли и месте периферии в модернизационных процессах. Теоретических положений выдвинуто достаточно, но далеко не все из них подкреплены конкретно-историческим материалом. В данной публикации предпринята попытка анализа социокультурной эволюции образов провинциальных городов, расположенных к востоку от Уральских гор, в районе, который достаточно условно можно определить, как Северное Зауралье.

В настоящее время историческая империология разрабатывает ряд аспектов генезиса и последующей эволюции различных

образов [2]. К их числу допустимо отнести и образы конкретных территориальных объектов – городов. Современные исследования хорошо показывают, что для выделения тех или иных образов города могут использоваться различные онтологические основания [3]. По нашему мнению, выделение ряда закономерных этапов в длительной социокультурной эволюции их образов задает большую системность в исследовательских практиках [4], и города Северного Зауралья здесь не являются исключением. Их образы скрыто или явно должны были присутствовать в общественном сознании.

Вышеизложенная позиция не опровергается тем обстоятельством, что любое развитие отличается неравномерностью и конкретным городам требовалось неодинаковое время на прохождение одних и тех же этапов собственной эволюции. Природно-

географические условия, экономика, особенности жизни городского социума отнюдь не были суммой неких неизменных жестко заданных констант. Люди всегда имеют свободу выбора, что влияет на зарождение, существование и смену образов города. Возникающее при этом множество побочных фактов, событийная сторона не всегда способствуют раскрытию истины. Напротив, они, зачастую, искажают суть происходящего. Далеко не случайны определения города как места встречи различных культур или палимпсеста [5; 4, 78], где один текст накладывается на другой, «затемняя» его первоначальный подлинный смысл.

Допустима постановка следующих вопросов: имеется ли возможность выделения у городов Северного Зауралья общих ступеней в социокультурном развитии, которые они с необходимостью проходили? Какова была степень автономии их образов относительно внутренних и внешних событийных моментов? При дефиците информации ответы на данные вопросы лишены однозначности. Всё это диктует необходимость первоочередной работы именно с образами, которые сохранились в обширном массиве исторических источников. Соответственно, цель настоящей публикации заключается в реконструкции социокультурной динамики городов Северного Зауралья, перевоплощённой в определенные осколки (образы) исторической памяти.

Верхотурье и Ирбит, Березов и Туринск управляли обширными северными районами двух смежных губерний: Пермской и Тобольской. Из-за административной принадлежности к губернской Перми, Верхотурье и Ирбит юридически считались «европейскими», а Берёзов и Туринск, подчиненные Тобольску, были, соответственно, уже полноценными азиатскими и сибирскими городами. Даты их оснований хронологически близки. Появление этих городов было связано со временами «сибирского взятия». Однако их дальнейшая судьба во многом оказалась различной.

Первоначально основная функция первых городов в Сибири была военно-административная [6]. В большей мере это касалось Берёзова и Верхотурья, в меньшей мере – Туринска и Ирбитской слободы. Легендарное колонизационное движение «встреч солнцу», образы первопроходцев в их военном противостоянии сибирским царевичам, родоплеменной знати обско-угорских и самодийских народов были сохранены в документальных свидетельствах и отчасти в народной памяти. Однако в поздние времена эти события были востребованы в социальной памяти всё менее. Они мельчали и замещались иными сюжетами. Видимо, образы былинных героев постепенно вытеснялись действиями силачей, разбойников или иных антисоциальных элементов.

Замедленно данные процессы протекали в самом северном из изучаемых городов – Берёзове. Здесь сказывался ряд обстоятельств. Длительное время, вплоть до последней трети XVII в., существовала реальная угроза нападения аборигенов на город. Но и после устранения опасности непосредственно для города, на управляемые им территории продолжались набеги со стороны оленеводов самодийцев, переживавших свою «героическую эпоху» формирования вождистских структур [7, 104-105]. Далеко не случайно, что только северные обдорские князья Тайшины сумели официально сохранить свой статус. В середине XIX в. наибольшая угроза их княжескому достоинству исходила не столько от самодержавия, сколько от мятежника Ваули Пиеттомина [7, 161-162]. Хотя в январе 1841 г. казаки из Берёзова не успели прибыть на Обдорскую ярмарку для его поимки, но именно их земляки березовские мещане и составили большинство тех, кто принял участие в аресте бунтовщика [8, 16-17].

После реформ Петра Первого Берёзов оказался местом ссылки легендарных участников «дворцовых переворотов» первой половины XVIII в. Их близость к носителям высшей власти наделяла эти фи-

гуры в глазах обывателей почти сакральными свойствами. Яркость их образов оказалась такова, что истории этих ссыльных во многом затмили сведения о жизни местных городских казаков, приземленных своим обыденным существованием. Незрелость экономической жизни также препятствовала изживанию прежних образов и стереотипов. Возник эффект наложения прежних героических образов на фигуры сосланных царедворцев. В итоге, в чреде образов города Берёзова оказался во многом законсервирован ранний богатырский этап его социокультурной эволюции.

Это не означает, что у города не были сформированы и иные образы, следующие за богатырскими сюжетами. В Берёзове постепенно росла прослойка образованных лиц, в основном чиновников и учителей. Горожане пытались облагородить свои грешки в сборе ясака и неэквивалентной торговле с аборигенами возведением и украшением православных храмов. Легитимация государственного насилия, не связанного с личными героическими свойствами, породила своеобразное культивирование сведений о знаменитых ссыльных. Их мучения, близкие к страданиям христианских святых как бы искупали несовершенство местного городского социума.

Самым известным из узников Берёзова был А.Д. Меншиков. По мнению исследователя Е.А. Андреевой, до ссылки «А.Д. Меншиков брал на себя проводимые Петром I мероприятия, так или иначе выходявшие за рамки закона, общепринятых представлений, уклада жизни того времени (...)» [9, 18]. Получается, что видный царедворец, как при власти в столице, так и в ссылке в Сибири, осуществлял одну и ту же жертвенную миссию, принимая на себя чужие грехи. Соответственно, его присутствие в Берёзове органично совместилось с социокультурной эволюцией местных городских образов.

Жертвенность ссыльных не спасла сакральные свойства Берёзова от профанации. Постепенно они вытеснялись светским прагматизмом. Более того, видимо, уже со

второй половины XIX в. местное население начинает коммерчески эксплуатировать образы бывших петровских вельмож [10, 79]. По воспоминаниям образованных современников, у жителей Берёзова к традиционным Масленице, ярмарке, приходу парохода со временем добавились и новые развлечения. Горожане с удовольствием устраивали музыкальные вечера, осуществляли театральные постановки, принимали участие в любительской охоте и пикниках на природе [11, 35-37].

Город Верхотурье первоначально был крепостью. Однако его военная роль оказалась незначительной. Исследователи П.А. Корчагин и Е.А. Угрюмова замечают: «мы можем определенно считать, что до конца третьей четверти XVII в. верхотурские укрепления представляли собой острог, поставленный тыном с несколькими башнями, а более совершенных фортификаций так и не было построено. Это неудивительно, если вспомнить, что город был построен как перевалочный пункт в стратегическом тылу уже освоенного Обь-Иртышского региона Сибири, и ни разу за свою историю не подвергался осаде» [12, 57].

Куда более категоричен курганский историк В.В. Пестерев. По его мнению, не стоит преувеличивать степень реальной военной угрозы для зауральских городов в XVII в. В ряде случаев опасность была мнимой, мифической [13, 69-74]. Видимо неслучайно, что, применительно к Верхотурью, богатырские образы первоходцев и его основателей были в значительной мере закрыты наслоениями петровской и последующих эпох. Город долгое время выполнял функции таможни на дороге в Сибирь. Благодаря окраинному положению возле Урала город быстро превратился в отдаленное от линии фронта и безопасное для проживания тыловое поселение. Мощные каменные сооружения в Верхотурье всё-таки были возведены, но много позднее: только в начале XVIII в., когда военная опасность уже отсутствовала.

Как понять причины существования этих странностей в строительстве города? Внешние объяснения обычно связывают с политикой Петра Первого. Великий преобразователь стремился заменить огнеопасную деревянную застройку каменной. В соответствии с его замыслами, Верхотурье должно было стать центром горнозаводского производства на Урале. Однако передача Невьянского завода в руки Демидова и перенос центра горного производства на Средний Урал похоронили эти намерения [14, 41, 105]. Между тем историческая достоверность данного объяснения всё-таки оставляет в тени еще один важный вопрос: почему немалые материальные и людские ресурсы были брошены именно на внепрагматичное крепостное строительство? И это в тяжелейших условиях военного времени!

Видимо, та мотивация, которая задавала действия бюрократов, не основывалась исключительно на рациональных началах. Петр действительно был велик своими планами. Наверное, только он был в состоянии построить свою новую столицу на затопляемой территории в непосредственной близости от неприятеля. Но такой пассионарностью обладали далеко не все. Тыловое Верхотурье уже миновало свой богатырский этап. Исчезновение прежнего героического ореола требовалось чем-либо компенсировать. Теперь усилия государства были сосредоточены на поднятии престижа горной администрации, на демонстрации её возможностей перед местным населением. Неслучайно, что для горнозаводских жителей Северного Урала Верхотурье всё более обретало черты угнетателя, места концентрации управленцев, которые впоследствии не были непосредственно связаны с горным производством.

Верхотурье сменило прежние образы. Богатырей вытеснили палачи и чиновники, что, в общем-то, соответствовало мифическим ожиданиям. Ведь, согласно логике мифа, богатыри, пришельцы, первооткрыватели не должны были жить на обыденной земле. Их удел иной: после соверше-

ния подвига уйти из спасенного поселения. И действительно, сохранились материалы о богатейших авантюрных купцах, покинувших Верхотурье и продолжавших уже в иных местах удачно увеличивать свои капиталы. С одной стороны, они имели под собой историческую основу (так крупные предприниматели, выходцы из Верхотурья Походяшины, Зеленцовы, Поповы – реальные лица); с другой – отображали сведения о новом периоде в социокультурном развитии города.

Культурное доминирование административных функций у Верхотурья не было длительным. Центры экономической активности Зауралья неумолимо смещались в южном направлении. В 1763 г. официально открылся Сибирский тракт, лежащий много южнее Верхотурья. В 1764 г. упразднена Верхотурская таможня, и город окончательно утратил функцию ворот Сибири [14, 45]. Перед местным социумом встал вопрос о дальнейшей судьбе города. Верхотурье нуждалось в сохранении статуса уездной столицы, и, одновременно, в идеологическом обосновании собственных претензий. Управление окружающим населением не могло базироваться исключительно на принуждении.

Для переориентации города и его вступления в новый этап социокультурной эволюции положительную роль сыграл культ местного святого Симеона Верхотурского. В 1704 г. мощи святого были перенесены в город, и теперь в Верхотурье направлялись паломники, шедшие сюда на поклонение и исцеление. Именно в 1763 г. (практически одновременно с открытием Сибирского тракта и закрытием местной таможни!) канцелярист Верхотурской канцелярии подал в Синод доношение, в котором сообщалось о явлении мощей святого [15, 34]. Проведенное в 80-е гг. XVIII в. расследование не стало единственным. В 20-е гг. XIX в. оно было повторено [16]. Нахождение мощей на территории города, чья древность оказалась освящена пребыванием Праведного Симеона, отчасти служило оправданием уездному статусу

Верхотурья. Для собственного выживания город во многом сумел идентифицировать себя с образом святого.

И город, и местный монастырь постепенно приобрели навыки извлечения материальных выгод от прославления святого. Как считает П.А. Корчагин, в третьей четверти XIX в. «определились основные приемы и направления экономической и пропагандистской и экономической деятельности Никольского монастыря: строительство церквей (в том числе придельных) и часовен во имя св. Симеона Верхотурского, распространение икон святого и печатных изданий житийного и религиозно-краеведческого содержания, началось складывание сети пунктов паломников, направляющихся в обитель» [14, 70]. По-видимому, с этого времени допустимо утверждать о вступлении Верхотурья в еще один качественно новый период его развития.

Пушенная на поток коммерциализация культа святого, наплыв гигантского числа паломников выхолащивали подлинную религиозность и провоцировали дальнейшую смену образа Верхотурья. На рубеже XIX-XX вв. сведения о городе стали дополняться новыми, ранее не свойственными сюжетами: о фальшивом святом Федоте, использующем граммофон для одурачивания верующих, преданиями о грешной жизни местных монахов и монашек [17, 246-251]. Не содействовали укреплению сакрального образа и посещения Верхотурья нарочито скандальным Распутиным [18, 34-40]. Город-святой с его божественной мистерией вытеснялся городом-актером, падким до денег, скандала и обмана. Завершение дискредитации образа Верхотурья произошло уже в советское время. Вскрытие мощей святого, размещение на территории монастыря колонии для несовершеннолетних преступников наглядно символизировали в новой политической реальности образ неполноценного и грешного города [19].

Ирбитская слобода была основана в 30-е гг. XVII в., почти на полвека позднее первых городов Сибири. Юридическое

отсутствие городского статуса (до 1775 г.) было тогда тождественно и отсутствию яркого образа «правильного», «регулярного» города. Городские свойства в Ирбите вызревали как бы подпольно, неявно. Однако у жителей слободы имелся мощный экономический ресурс – местная ярмарка, одна из крупнейших в России. Её существование радикально меняло образ жизни, материальное положение и психологию местного населения. Теперь требовалась лишь одна «малость»: актуализировать скрытые городские потенциальные возможности населенного пункта и обрести необходимый юридический статус.

На «помощь» поселению пришли участники восстания Е.И. Пугачева. Культурная развитость и широкий кругозор, организаторские способности жителей слободы, позволили им не только понять самозванство Пугачева, но самостоятельно дать успешный вооруженный отпор мятежным отрядам. Главным лицом обороны слободы стал писец из горнозаводских крестьян И.Н. Мартышов, поступки которого были сопоставимы с действиями культурного героя. Он организовал ополчение, получил ранение, попал к пугачёвцам в плен, был подвергнут мучениям, но сумел бежать. Благодарная Екатерина II оценила мужество жителей. Она преобразовала слободу в город, пожаловала Мартышову звание прапорщика, дворянское достоинство, земли, серебряный ковш и денежное вознаграждение [20; 21, 14].

Дальнейшая судьба храброго «пищика» неизвестна, что также хорошо укладывается в традиционные мифические схемы. Пришелец – Мартышов был из горнозаводских крестьян – должен исчезнуть, после того как облагородил местное население и передал ему свои мужественные начала. Их символами в Ирбите стали сабля и Андреевский флаг, изображенные на гербе города. Характерна постепенная символическая замена мягкого женского начала на твердое мужское (ранее «она» – Ирбейская, Ирбицкая слобода, Ирбить, затем уже «он» – Ирбит). В 1781 г. Ирбит дополнительно

получил статус уездного города. В ряду образов города чиновники в очередной раз пришли на смену богатырям.

Допустимо предположить, что у чиновного Ирбита противостояние сельской округе не было столь острым, как в других уездных городах. Здесь сказывалось влияние гигантской Ирбитской ярмарки. Выгоды от её обслуживания сближали всех участников, без различий по месту жительства, сословной и социальной принадлежности. Широко известные ярмарочные разврат, разгул, аморальные поступки приезжих купцов затмевали чиновную суть Ирбита. Ярмарка парадоксальным образом формировала и положительные нравственные качества. Местная городская корпорация делала всё зависящее, чтобы обеспечить безопасность и комфортное существование богатых иногородних предпринимателей. Деятельность управленцев Ирбита была нацелена в первую очередь на эффективную защиту приезжих торговцев.

В городе была детально продумана организация охраны гигантского количества товаров, складированных под открытым небом, много делалось для поддержания правопорядка. Если на ярмарке приезжие в непринужденной обстановке заключали контракты и гуляли, то местным жителям в торговый период приходилось много и самоотверженно работать. При этом окружающая праздничная ярмарочная суэта порождала немалое число соблазнов, каждый из которых для слабого человека мог стать роковым. Для участников ярмарки её почти языческая греховность служила своеобразным нравственным испытанием, которое не все могли выдержать.

Только сохранив внутреннюю сплоченность, предельную честность и предупредительность к своим многочисленным клиентам жители Ирбита могли сохранить у себя ярмарку-кормилицу. Как показывает И.Я. Антропов в «Былях Ирбита», такие качества совершенно сознательно культивировались городским социумом у его членов. «И в пекле можно не измазаться» – эту нравственную максиму относительно

ярмарки родители передавали детям [22, 112]. Большие объемы материальных ценностей, с которыми соприкасались горожане, формировали у последних тот идеал внутренней дисциплины, который был близок религиозному аскетизму.

В то же время, нет сомнения, что само ярмарочное действо, с его театральностью и обманом, разлагающе действовало на окружающих. Особенно оно было опасно для тех, у кого отсутствовали навыки пребывания в этой непривычной агрессивной среде. В первую очередь, ярмарка таила угрозу не столько жителям Ирбита, обладавшим приобретенным за многие годы социальным иммунитетом, сколько тем, кто попадал сюда впервые в надежде заработать на обслуживании купцов. Существование у города множества противоположных свойств, его обманчивая привлекательность, вели к формированию еще одного значимого образа – образа актёра, утвердившегося к середине XIX в.

Неслучайно, что в № 9 журнала «Библиотека для чтения» за 1856 г. казачьим сотником Семёном Черепановым было опубликовано ёмкое сравнение этого ярмарочного центра с человеком: «Физиономия города Ирбита в течение одиннадцати месяцев в году бывает самая печальная. Это человек, ожидающий одиннадцать месяцев своего единственного годового дохода; это актёр, печально исполняющий свою обязанность до своего годового бенефиса. Большая часть домов закрыта ставнями и стоит точно восточная женщина под фатою. Ворота открываются реже, чем уста пустытника, а огромный каменный гостинный двор представляет мифологического циклопа, единственный глаз которого есть единственная открытая лавочка с ресницами из маканых сальных свечей, развешанных по верхнему косяку дверей» [23, 77].

Симптоматично, что осознанно или неосознанно, но автор публикации выделяет два образа города. Один – уже уходящий, порождённый закрытой для посторонних глаз патриархальной культурой, с её склон-

ностью к святости и ограничениям в будние дни. Другой – современный, торговый, открытый, демонстративно ориентированный на потребление. Заметим также, что первый из упомянутых образов в календаре жителей города хронологически следовал за вторым. Ведь после ярмарки и масленицы начинался Великий пост.

Единство жителей города сохранялось до тех пор, пока процветала их ярмарка. Однако с формированием железнодорожной сети её обороты начали падать. Началась вынужденная диверсификация городской экономики, у ирбитчан появились неодинаковые интересы. Положительные свойства ярмарки уменьшались, а отрицательные, напротив, стали широко известны. Связано это было с появлением санитарной медицины, с развитием журналистики, с достижениями русской литературы, занятой освещением социальной проблематики. Так Д.Н. Мамин-Сибиряк в своем художественном творчестве создал красочные зарисовки негативных ярмарочных реалий.

Акцентирование внимания на порочных моментах в жизни Ирбита, по-видимому, означало начало формирования следующего образа города – образа грешника. Со временем он стал господствующим. Уже в советские 20-е гг. XX в. писатель Д. Четвериков воспроизвел сохранившиеся в его памяти воспоминания детства в повестях «Ирбит» [24] и «Малиновые дни» [25]. События и герои этих произведений перекликаются между собой и связаны с реалиями ярмарочного городка. Здесь и авторские гимназические впечатления, и знаменитая ярмарка, и передача детских восприятий о революционных событиях 1905 г. в либеральной земской среде, и фиксация митингового хаоса, непривычного ранее для уездного провинциального городка. Рубленый сбивчивый тест повестей хорошо передает ощущение неадекватности городского социума.

Туринск, долгое время лежащий на государственной дороге в Сибирь, связывал свое первоначальное прошлое с прежним до-русским поселением Епанчин-Юртом и

подвигами ермаковских казаков. Ермак со своими сподвижниками, и противостоящий им Епанча, затем перешедший на службу к русским властям, в последующем перевоплотились в мифические богатырские персонажи. В мифе им уготованы необходимость покинуть город, облагороженный их подвигами, и недолгое земное существование, запечатленное в памяти потомков. Интересно, что и Ермак, и мурза Епанча в городе действительно не остались. Так, мурза, согласно преданиям местных татар, зафиксированных Г.Ф. Миллером, переселился из своего города в Ембаевы юрты [26].

Характерны дальнейшие образы, пришедшие им на смену. Туринские воеводы XVII в. не оставили после себя яркого следа. Связано это было с незначительной военной ролью Туринска [27, 240-241]. Во многом безликими оказались и сменившие их провинциальные чиновники императорской России. Более того, их восприятие современниками было достаточно негативным. «Странная смесь в этих московских чиновниках, – размышлял польский ссыльный Ю. Ручинский, оказавшийся в Туринске в середине XIX в. – Ведь они люди. Многие из них обладают истинными достоинствами. Среди них хорошие мужья, заботливые отцы, даже бывают отзывчивы по отношению к товарищам.

В служебной сфере – деморализация, такая же большая, как повсеместно. Все крадут открыто, обдуманно, как бы по убеждению. Получаемое от правительства жалование для них ничто, взятки – всё. Каждая должность заранее просчитана, сколько должна принести дохода. Эту норму каждый старается не только выдержать, но и непременно приумножить, как хороший хозяин старается поднять доход с имения. Общественное благо. Любовь к стране – эти понятия для них незнакомы, умам их недоступны» [28, 445]. Разумеется, что подобные чиновники были типичными не только для Туринска.

Но если ранее окружающими чиновные грехи считались за нечто само собой

разумеющееся, то теперь в общественном сознании образы чиновников, и особенно их когорты на уездном уровне, всё более наполнялись резко отрицательным содержанием. Исчерпанность привычного образа города требовала от наблюдателей его символической замены. Эта тенденция проявилась уже в середине XIX в. В воспоминаниях Ю. Ручиньского зафиксировано отношение местного населения к его соотечественнику фельдшеру К. Юдыновичу: «Все жители обращались к нему за советами. Крестьяне верили в него, как в чудотворный образ и приезжали даже из отдаленных мест» [28, 416-417].

Такая вера могла иметь под собой как рациональные, так и мистические основания. О наличии последних свидетельствует возникновение культа местных святых Василиска и Зосимы. Благодаря настойчивости последнего, в 1822 г. была возобновлена деятельность заброшенного ранее Туринского монастыря [29, 170-171]. Святость монастыря осознавалась как возможность его благотворного влияния на окружающих. Туринский женский монастырь был известен обучением девочек. Воспитанницы монастыря плели кружева, вышивали бисером, шерстью и шелком, изготавливали дорогие церковные принадлежности [30]. Постепенно шло усиление образа города как святого места, как одушевленного святого персонажа

Между тем значительная часть населения Туринска вполне прагматично занималась в летнее время рыбными промыслами в низовьях Оби. Предпринимательские усилия горожан, с традиционным обманом и эксплуатацией аборигенного населения снижали накал местной святости. С развитием просвещения, с деградацией сакральности, образ города начал приобретать иные, уже отрицательные черты. Размещенные в Туринске десятки ссыльных усиливали зарождающийся негативизм. Их массовое пребывание в городе служило признаком его неполноценности.

Как гласило «Руководство по надзору за политическими ссыльными» для

Туринского окружного исправника от 1877 г. за № 6937, правительство имело цель «отдалить их от более населенной местности и общественной деятельности, поставить вне возможности близкого сообщества с людьми им сколько либо солидарными и отнять у них всякую попытку продолжать проявлять и тем более развивать свои преступные стремления и чрез то увлекать своими злонамеренными убеждениями неопытных и малоразвитых людей на путь преступной деятельности» [31, 1-2]. На практике эта цель так и не была достигнута. Ссылные второй половины XIX в. составляли разительное отличие от своих предшественников и активно участвовали в местных социальных процессах.

Естественно, что ссыльные критически относились к месту своего вынужденного проживания. Архивные материалы второй половины XIX - начала XX вв. сообщают о многочисленных проблемах, связанных с нахождением в городе большого числа ссыльных. Они совершали уголовные преступления [32, 5]. Они писали обличительные корреспонденции о происшествиях в средства массовой информации, они составляли для местных жителей прошения [33, 1-8]. Они же устраивали побеги [31, 1]. Такая активность означала постепенное перемещение в центр внимания локального сообщества сведений о жизни и поступках маргинальных слоев. Новые реалии закрывали прежние образы Туринска, которые уходили в безвозвратное прошлое.

Проблема противостояния образа и объекта относится к разряду вечных. На этом пути уже имеется немало научных достижений, в том числе и в сибирской урбанистике. Чтобы уйти от прежних жестких схем, ученые применяют всё более сложный исследовательский инструментарий. «В исторической действительности – замечает археолог М.П. Черная – русские города Сибири в своем становлении и развитии подчинялись общим закономерностям и с момента возникновения были полифункциональны, одновременно выполняя обязанности военных, административных,

хозяйственных, финансовых, культовых, культурных центров. В определенный отрезок времени какие-то функции или функция становились главными и определяли облик конкретного города» [34, 97].

Наверное, дело остается за малым: начать изучать не только реально существовавший объект, но и действительно «увидеть» его затемненный облик. Как утверждают имагологические исследования, любой облик (образ), правдоподобен, активен и изменчив в исторической перспективе. Парадоксально, но анализу ускользающего от наблюдателя образа содействует избирательность исторической памяти. Она оставляет для потомков многое, но далеко не всё. При избыточности и метафоричности письменной информации в ней обязательно присутствуют и те значимые фрагменты, по которым возможна реконструкция закономерных этапов в развитии образов города. Историческая конкретика подсказывает нам, что приходят и уходят

образы богатырей, палачей и чиновников, святых, актеров и грешников, а стоящий за ними реальный город и далее продолжает своё земное существование. Каков же итог многолетней эволюции города?

О.М. Журавлева, рассматривая извечный спор между двумя российскими столицами, допускает, что «развитие общества сотрет, в конце концов, различия реальные, и тогда, осмелимся предположить, останутся лишь различия в восприятии. Различия, едва уловимые, но продолжающие играть принципиальную роль для жителей этих двух городов. Останется дух столичного города, который, по сути, будет существовать отдельно, как некая неприменная характеристика столицы» [34]. Всё вышеизложенное вполне применимо не только к истории столичных центров, но и к прошлому небольших провинциальных городов Северного Зауралья, образы которых пока еще недостаточно изучены в гуманитарных дисциплинах.

Литература

1. Пинус С. Москва (Штрихи из студенческих воспоминаний) // Москва и её жизнь / Сост. Р. Кумов. СПб.: Издание «Жизнь для всех», 1914. С. 298-311.
2. Поршнева О.С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII – XXI вв. XII Всеросс. науч. конф. Мат. Екатеринбург: УРФУ, 2014. Т. 1. С. 126-129.
3. Амин Эш, Трифт Найгель Внятность повседневного города // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. – 2002. – № 3-4 (34). – С. 209-234.
4. Ершов М.Ф. Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. Ханты-Мансийск: «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013. 276 с.
5. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Формирование тематической группы «Наименование городских пространств» в европейских языках: этимология и процессы заимствования // Вестник Новосибирского государственного университета. – Сер. История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 2. – С. 78-83.
6. Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории материальной культуры. – 1960. – № 3 (21). – С. 113-124.
7. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
8. Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX в. Омск: Омское областное издательство, 1940. 114 с.
9. Андреева Е.А. Следственное дело и ссылка А.Д. Меншикова 1727-1729 гг.: Исследования и документы. СПб.: Историческая иллюстрация, 2013. 320 с.
10. Ершов М.Ф. Город Березов конца XVIII – начала XIX в. в дореволюционной историографии // Вестник угроведения. – 2015. – № 1 (20). – С. 84-88.

11. Ларионов Ф.Ф. Семейная хроника. Материалы к истории культуры Западной Сибири. Шадринск: Исеть, 1993. 62 с.
12. Корчагин П.А., Угрюмова Е.А. Верхотурский деревянный кремль XVII столетия: опыт комплексной реконструкции // Верхотурский край в истории России. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. С. 55-63.
13. Пестерев В.В. Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII вв. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. 237 с.
14. Корчагин П.А. История Верхотурья (1598-1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 180 с.
15. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО) Ф. 603. Оп. 1. Д. 363 «Подробное сказание о жизни и чудесах святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца».
16. Мангилов П.И. Источники по истории почитания святого праведного Симеона Верхотурского // Археография и источниковедение Урала периода феодализма. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 35-37.
17. Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы / Сост. В.П. Кругляшовой. Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1991. 288 с.
18. ГАСО Ф. 519. Оп. 1. Д. 228.
19. Новиченков Н.Н. На Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую... История пеницитарных учреждений города Верхотурья (1598-2001). Екатеринбург: ИПУ УрГУ, 2012. 172 с.
20. Андрущенко А.И. Ирбитская торговая слобода и Пугачевское восстание // Города феодальной России. Сб. ст. памяти Н.В. Устюгова. М.: Наука, 1966. С. 473-478.
21. Смирных А.И. и др. Уездные столицы: Культурно-исторические очерки / Колл. авт. Екатеринбург: Сократ, 2002. 368 с.
22. Антропов И.Я. Были Ирбита. Ирбит: Ирбитская тип, 1992. 180 с.
23. Черепанов С. Ирбитская ярмарка (из путевых заметок) // Ирбит и Ирбитский край: очерки истории культуры. Екатеринбург: Сократ, 2006. С. 77-85.
24. Четвериков Д. Бурьян. Л.: Прибой, 1926. С. 73-116.
25. Четвериков Д. Избранное. М.: Художественная литература, 1971. С. 17-90.
26. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Вост. лит. Т. I. 2005. С. 302.
27. Пузырев В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI-XVII в.). СПб.: Алетей, 2010. 432 с.
28. Ручинский Ю. Конарщик. 1838-1878. Воспоминания о сибирской ссылке // Воспоминания о Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск: Артиздат, 2009. С. 325-476.
29. На государевой дороге: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург: Сократ, 2000. 304 с.
30. Туринский Николаевский женский монастырь // Тобольские губернские ведомости. 1865. № 45 от 6.11. С. 290.
31. Государственное учреждение Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске (далее – ГУ ГАТО) Ф. 329. Оп. 1. Д. 21.
32. ГУ ГАТО Ф. 329. Оп. 1 Д. 39.
33. ГУ ГАТО Ф. 152. Оп. 18. Д. 21.
34. Черная М.П. Сибирский город конца XVI – начала XVIII в. в историко-археологическом отражении // Вестник Томского университета. – Сер. История. – 2005. – № 3 (7). – С. 95-112.
35. Журавлева О.М. «Голова» и «сердце» России. «Питер кормило, Москва корм, Питер голова, Москва сердце» [электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.Uchebana5.ru>. (дата обращения: 13.08. 2015).

References

1. Pinus S. Moskva (Shtrihi iz studencheskih vospominanij) // Moskva i ejo zhizn' / Sost. R. Kumov. SPb: Izdanie «Zhizn' dlja vseh», 1914. – S. 298-311.

2. Porshneva O.S. Istoricheskaja imagologija v sovremennoj rossijskoj istoriografii // Ural industrial'nyj. Bakuninskie chtenija: Industrial'naja modernizacija Urala v XVIII – XXI vv. XII Vseross. nauch. konf. Mat. Ekaterinburg: URFU, 2014. T. 1. S. 126-129.
3. Amin Jesh, Trift Najgel' Vnjatnost' povsednevnogo goroda // Logos: Zhurnal po filosofii i pragmatike kul'tury. – 2002. – № 3-4 (34). – S. 209-234.
4. Ershov M.F. Sociokul'turnaja jevoljucija obrazov ochelovechennogo prostranstva: obshheteoreticheskie i konkretno-istoricheskie aspekty. – Hanty-Mansijsk: «Pечатnyj mir g. Hanty-Mansijsk», 2013. 276 s.
5. Bulygina E.Ju., Tripol'skaja T.A. Formirovanie tematiceskogo gruppy «Naimenovanie gorodskih prostranstv» v evropejskih jazykah: jetimologija i processy zaimstvovanija // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. – Ser. Istorija, filologija. – 2013. – T. 12. – Vyp. 2. – S. 78-83.
6. Sergeev V.I. Pervye sibirskie goroda, ih voennoe, jekonomicheskoe i kul'turnoe znachenie // Vestnik istorii material'noj kul'tury. – 1960. – № 3 (21). – S. 113-124.
7. Golovnev A.V. Govorjashhie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov. Ekaterinburg: UrO RAN, 1995. 606 s.
8. Vauli Piettomini. Iz istorii social'nyh dvizhenij hantje i nencev v XIX v. Omsk: Omskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1940. 114 s.
9. Andreeva E.A. Sledstvennoe delo i ssylka A.D. Menshikova 1727-1729 gg.: Issledovanija i dokumenty. SPb.: Istoricheskaja illjustracija, 2013. 320 s.
10. Ershov M.F. Gorod Berezov konca XVIII – nachala XIX v. v dorevoljucionnoj istoriografii // Vestnik ugrovedenija. – 2015. – № 1 (20). – S. 84-88.
11. Larionov F.F. Semejnaja hronika. Materialy k istorii kul'tury Zapadnoj Sibiri. Shadrinsk: Iset', 1993. 62 s.
12. Korchagin P.A., Ugrjumova E.A. Verhoturskij derevjannyj kreml' XVII stoletija: opyt kompleksnoj rekonstrukcii // Verhoturskij kraj v istorii Rossii. – Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 1997. S. 55-63.
13. Pesterev V.V. Organizacija naselenija v koloniziruemom prostranstve: Oчерki istorii kolonizacii Zaural'ja konca XVI – srediny XVIII vv. Kurgan: Izd-vo Kurgan. gos. un-ta, 2005. 237 s.
14. Korchagin P.A. Istorija Verhotur'ja (1598-1926). Zakonomernosti social'no-jekonomicheskogo razvitija i skladyvanija arhitekturno-istoricheskogo sredy goroda. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 2001. 180 s.
15. Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti (dalee – GASO) F. 603. Op. 1. D. 363 «Podrobnoe skazanie o zhizni i chudesah svjatogo pravednogo Simeona Verhoturskogo chudotvorca».
16. Mangilev P.I. Istochniki po istorii pochitanija svjatogo pravednogo Simeona Verhoturskogo // Arheografija i istochnikovedenie Urala perioda feodalizma. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1991. S. 35-37.
17. Predanija i legendy Urala: Fol'klornye rasskazy / Sost. V.P. Krugljashovoj. Sverdlovsk: Sred-Ural. kn. izd-vo, 1991. 288 s.
18. GASO F. 519. Op. 1. D. 228.
19. Novichenkov N.N. ... Na Verhotur'e v pristojnom meste sdelat' tjur'mu krepkuju... Istorija penicitarnyh uchrezhdenij goroda Verhotur'e (1598-2001). Ekaterinburg: IPU UrGU, 2012. 172 s.
20. Andrushhenko A.I. Irbitskaja trgovaja sloboda i Pugachevskoe vosstanie // Goroda feodal'noj Rossii. Sb. st. pamjati N.V. Ustjugova. M.: Nauka, 1966. S. 473-478.
21. Smirnyh A.I. i dr. Uezdnye stolicy: Kul'turno-istoricheskie oчерki / Koll. avt. Ekaterinburg: Sokrat, 2002. 368 s.
22. Antropov I.Ja. Byli Irbita. Irbit: Irbitskaja tip. 1992. 180 s.
23. Cherepanov S. Irbitskaja jarmarka (iz putevyh zametok) // Irbit i Irbitskij kraj: oчерki istorii kul'tury. Ekaterinburg: Sokrat, 2006. S. 77-85.
24. Chetverikov D. Bur'jan. L.: Priboj, 1926. S. 73-116.
25. Chetverikov D. Izbrannoe M.: Hudozhestvennaja literatura, 1971. S. 17-90.
26. Miller G.F. Istorija Sibiri. M.: Vost. lit. T. I. 2005. S. 302.
27. Puzyrev V.D. Voennye factory russkoj kolonizacii Zapadnoj Sibiri (konec XVI-XVII v.). SPb.: Aletejja, 2010. 432 s.

28. Ruchin'skij Ju. Konarshhik. 1838-1878. Vospominanija o sibirskoj ssylke // Vospominanija o Sibiri: Memuary, ocherki, dnevnikovye zapisi pol'skih ssyl'nyh v Vostochnuju Sibir' pervoj poloviny XIX stoletija. Irkutsk: Artizdat, 2009. S. 325-476.

29. Na gosudarevoj doroge: Kul'turno-istoricheskie ocherki. Ekaterinburg: Sokrat, 2000. 304 s.

30. Turinskij Nikolaevskij zhenskij monastyr' // Tobol'skie gubernskie vedomosti. 1865. № 45 ot 6.11. S. 290.

31. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti v g. Tobol'ske (dalee – GU GATO) F. 329. Op. 1. D. 21.

32. GU GATO F. 329. Op. 1 D. 39.

33. GU GATO F. 152. Op. 18. D. 21.

34. Chernaja M.P. Sibirskij gorod konca XVI - nachala XVIII v. v istoriko-arheologicheskom otrazhenii // Vestnik Tomskogo universiteta. 2005. – Ser. Istorija. – № 3 (7). – S. 95-112.

35. Zhuravleva O.M. «Golova» i «serdce» Rossii. «Piter kormilo, Moskva korm, Piter golova, Moskva serdce» [ehlektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: URL: <http://www.Uchebana5.ru>. (data obrashhenija: 13.08. 2015).